

№1. 2017

МИКРОЛИТИЧЕСКИЙ БУМ

Исследование длиною в жизнь: памяти В.М. Лозовского

Свидерская культура на Волге

Дети мезолита

Система расселения и сырьевые стратегии

Эвенкийские охотники и антропологическая теория

Редколлегия номера: Леонид Б. Вишняцкий (ответственный редактор),

Сергей И. Коваленко (зам. отв. редактора), Ольга В. Лозовская

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. Nr. 1.
Archaeology and Cultural Anthropology

Microlithic Boom

Life-long research: in memory of V.M. Lozovski
Swiderian culture on the Volga
Mesolithic children
Settlement system and raw material strategies
Evenk hunters and anthropological theory

Volume Editorial Board: Leonid B. Vishnyatsky (Editor-in-Charge),
Sergei I. Covalenco (Associate Editor), Olga V. Lozovskaya

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2017

Stratum plus. Nr. 1.
Arheologie și antropologie culturală

Bumul microlitic

Cercetare de durată a unei vieți: în memoria lui V.M. Lozovski
Cultura Svidersk pe Volga
Copii mezoliticului
Sistemul de colonizare și strategiile de materii prime
Vânătorii evenki și teoria antropologică

Colegiul de redacție a volumului: Leonid B. Vishnyatsky (redactor responsabil),
Sergei I. Covalenco (redactor adjunct), Olga V. Lozovskaya

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2017

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич (Санкт-Петербург, Россия).	
Исследование длиною в жизнь	17
Список публикаций В. М. Лозовского	25

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. А. Хлопачев (Санкт-Петербург, Россия), Ю. Н. Грибченко (Москва, Россия), М. Н. Кулькова, Т. В. Сапелко (Санкт-Петербург, Россия).	
Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и длительности существования	41
С. Н. Лисицын (Санкт-Петербург, Россия). Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе	59
Г. В. Сеницына (Санкт-Петербург, Россия), Е. А. Спиридонова (Москва, Россия). О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер	111
Н. А. Цветкова (Санкт-Петербург, Россия). Вкладышное вооружение мезолита — раннего неолита Верхневолжского региона	127
С. И. Коваленко (Кишинёв, Молдова). О культурно-хронологической позиции финально-мезолитических памятников в Пруто-Днестровском междуречье.	155

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СИБИРИ

А. П. Деревянко, В. С. Славинский, А. А. Цыбанков (Новосибирск, Россия), Д. Н. Лысенко (Красноярск, Россия), Н. И. Дроздов, С. А. Гладышев, Е. П. Рыбин, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, Е. В. Акимова, С. М. Слепченко, И. Д. Зольников (Новосибирск, Россия), А. М. Клементьев (Иркутск, Россия), Л. Л. Галухин (Красноярск, Россия), Е. С. Богданов (Новосибирск, Россия). Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова Гора II (по материалам раскопок 2014 года)	175
М. В. Коноваленко, Ю. В. Балужева (Нефтеюганск, Россия), Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил, Россия). Большой Салым 4 — новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири (первые результаты исследования)	201

ПРОИЗВОДСТВО, ОБМЕН, ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ
В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

В. С. Славинский, Е. П. Рыбин, Н. Е. Белоусова, А. Ю. Федорченко, А. М. Хаценович, А. А. Аношкин (Новосибирск, Россия). Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии	221
--	-----

А. В. Колесник (Донецк, Украина). Система расселения и сырьевые стратегии в верхнем палеолите Донбасса	245
О. И. Александрова, Е. В. Леонова (Москва, Россия). Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) . . .	255
М. Г. Жилин (Москва, Россия), Л. Л. Косинская, С. Н. Савченко (Екатеринбург, Россия). Рубящие орудия из камня в мезолите Среднего Зауралья (по материалам стоянок Горбуновского торфяника).	271
А. Н. Бессуднов, Р. В. Смольянинов (Липецк, Россия), А. А. Свиридов (Москва, Россия). Геометрические микролиты эпох палеолита — энеолита на памятниках Верхнего Дона	291

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. В. Ошибкина (Москва, Россия). Некоторые данные о детях охотников-собирателей эпохи мезолита	307
О. Грён (Копенгаген, Дания). Оптимальное фуражирование или нет? Эвенкийский пример эксплуатации ресурсов	319

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

С. А. Васильев (Санкт-Петербург, Россия). «Любимая земля» древнейшего человека: ашельская стоянка Терра Амата на юге Франции (Lumley H. de (Dir.). Terra Amata. Nice, Alpes-Maritimes, France. T. I. 2009. 487 p.; T. II. 2011. 536 p.; T. III. 2013. 477 p.; T. IV, Fasc. 1. 2015. 806 p.; T. V. 2016. 536 p. Paris: Ed. CNRS)	331
Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Долгожданное пособие по археологическому рисованию (Труфанов А. Я. 2015. Археологический рисунок: Опыт методического анализа. Екатеринбург: АВ КОМ «Наследие»; Караван. 220 с., 141 рис., ISBN 978-5-9907155-3-0)	337
Я. В. Кузьмин (Новосибирск, Россия). Юбилей журнала «Antiquity»: 90 лет на острие событий и исследований в мировой археологии	341
С. П. Щавелёв (Курск, Россия). «Как же жить?» Завещание мастера (Формозов А. А. Записки русского археолога (1940—1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М. К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.)	347
Список сокращений.	365
Авторам <i>Stratum plus</i>	367

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

O. V. Lozovskaya, A. N. Mazurkevich (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Life-long research	17
List of published works by V. M. Lozovski	25

LATE PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC OF EASTERN EUROPE

G. A. Khlopachev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Yu. N. Gribchenko (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. A. Kulkova, T. V. Sapelko (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). New Data on the Age and Longevity of the Late Palaeolithic Site of Eliseevitchi 1	41
S. N. Lisitsyn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). An Ecological Approach to the Periodization of the Final Palaeolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga Basin	59
G. V. Sinitsyna (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), E. A. Spiridonova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). On the Chronology and Distribution of the Swiderian Culture in the Upper Volga Lakeland	111
N. A. Tsvetkova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Slotted Weaponry of the Mesolithic — Early Neolithic in the Upper Volga Region	127
S. I. Covalenco (<i>Kishinev, Moldova</i>). Cultural and Chronological Position of the Final Mesolithic Sites between the Prut and Dniester Rivers	155

LATE PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC OF SIBERIA

A. P. Derevianko, V. S. Slavinsky, A. A. Tsybankov (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>), D. N. Lysenko (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>), N. I. Drozdov, S. A. Gladyshev, E. P. Rybin, I. V. Stasyuk, V. M. Kharevich, E. V. Akimova, S. M. Slepchenko, I. D. Zolnikov (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>), A. M. Klementiev (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>), L. L. Galukhin (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>), E. S. Bogdanov (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Late Palaeolithic Assemblages of Afontova Gora II (based on the materials of 2014 excavations)	175
M. V. Konovalenko, Ju. V. Balueva (<i>Nefteyugansk, Russian Federation</i>), Yu. B. Serikov (<i>Nizhny Tagil, Russian Federation</i>). Bolshoi Salym 4 — a New Mesolithic Site in the North of Western Siberia (the first results of the study)	201

PRODUCTION, EXCHANGE AND TRANSFER OF TECHNOLOGIES
IN THE UPPER PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC

V. S. Slavinskiy, E. P. Rybin, N. E. Belousova, A. Yu. Fedorchenko, A. M. Khatsenovich, A. A. Anoikin (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia	221
---	-----

A. V. Kolesnik (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Settlement Systems and Raw Material Acquisition Strategies in the Upper Palaeolithic of Donbas	245
O. I. Aleksandrova, E. V. Leonova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Hunting Projectiles from the Late Upper Palaeolithic and Mesolithic Cultures of the North Caucasus (based on the materials of Dvoynaya Cave)	255
M. G. Zhilin (<i>Moscow, Russian Federation</i>), L. L. Kosinskaya, S. N. Savchenko (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Stone Tools for Chopping in the Mesolithic of the Middle Trans-Urals (with particular reference to the materials of the Gorbunovski peat bog sites)	271
A. N. Bessudnov, R. V. Smolyaninov (<i>Lipetsk, Russian Federation</i>), A. A. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Geometric Microliths from the Palaeolithic-Eneolithic Sites of the Upper Don Region	291

SOCIAL RECONSTRUCTIONS AND ANTHROPOLOGICAL THEORY

S. V. Oshibkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Some Evidence on the Mesolithic Children	307
O. Grøn (<i>Copenhagen, Denmark</i>). Optimal Foraging or Not. An Evenk Example of Resource Exploitation	319

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

S. A. Vasiliev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Favorite Land of the Early Man: the Acheulean site of Terra Amata in the south of France (Lumley H. de (Dir.). Terra Amata. Nice, Alpes-Maritimes, France. T. I. 2009. 487 p.; T. II. 2011. 536 p.; T. III. 2013. 477 p.; T. IV, Fasc. 1. 2015. 806 p.; T. V. 2016. 536 p. Paris: Ed. CNRS)	331
L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A Welcome Manual of Archaeological Drawing (Труфанов А. Я. 2015. Археологический рисунок: Опыт методического анализа. Екатеринбург: АВ КОМ «Наследие»; Караван. 220 с., 141 рис., ISBN 978-5-9907155-3-0)	337
Ya. V. Kuzmin (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). The Jubilee of Antiquity: 90 years at the “cutting edge” of research in world archaeology	341
S. P. Shchhavelev (<i>Kursk, Russian Federation</i>). “How to Live?” Master’s Testament (Формозов А. А. Записки русского археолога (1940—1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М. К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.)	347
List of Abbreviations	365
Submissions	367

С. П. Щавелёв

«Как же жить?» Завещание мастера

(Формозов А. А. Записки русского археолога (1940—1970-е годы).

Текст кн. подг. к изд. М. К. Трофимовой.

Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.)

*Я в свою ходил атаку,
Мысль одна владела мной —
Слажу с этой,
Так со всякой
сказкой слажу я иной.*

*Не держи теперь в секрете
Ту ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
Хлеб-соль ешь,
А правду режь.*

*Я тебе задачу задал,
Суд любой в расчет беря...
А. Т. Твардовский. Тёркин на том свете.
1954—1963 гг.*

Прошло немногим больше года с момента кончины Александра Александровича Формозова (30 декабря 1928 — 31 января 2009), как увидела свет книга воспоминаний известного ученого. Откликов на нее в академической печати, насколько мне известно, пока не было. Она построена не типично для мемуарной литературы академического круга. Это и не сборник разновременных эссе, и не подённые записи многих лет, и не разом выплеснутые на бумагу воспоминания обо всей прожитой жизни. Перед нами мемуары, написанные по-особому. Впрок, в здравом уме и твердой памяти, еще не поврежденной ин-

сультот или инфарктом. Вдумчивому читателю станет ясно, что этого мемуариста всю сознательную жизнь больше интересовало не то, чем он занимается в профессии и в остальной жизни, а то, как он это делает, да еще по сравнению с другими.

Здесь три части. Первая — «Мой путь» — представляет собой собственно автобиографический связный рассказ: проникновенные портреты родителей; рассказ об учебе и выборе жизненного пути; работе в Академии наук; друзьях и недругах в академической среде; проблемах науки и культуры, интересовавших и мучивших автора. Часть вто-

The present work was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Humanities, project No. 14-33-01018 "Spiritual practice as a philosophical problem: ontological, epistemological, axiological aspects" ■ Lucrarea este executată cu susținerea financiară a Fondului umanitar de stat al Rusiei, proiect nr. 14-33-01018 „Practica spirituală ca problemă de filozofie: aspecte ontologice, epistemologice, axiologice” ■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного фонда, проект №14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

рая — «Портреты русских археологов» — снова откровенные характеристики тех коллег, с кем Александра Александровича (далее — А.А.) ближе всего сводила судьба, и кто оказал на его жизненный путь наибольшее влияние, как положительное, так и отрицательное. Третья часть — «Встречи и судьбы» — прямо продолжает галерею биографических очерков, только герои этого раздела обитали за пределами академической археологии, хотя и по большей части по соседству с нею в социальном плане. Кроме археологов, и в первой, и во второй, и в третьей частях охарактеризованы, либо затронуты довольно емко многие, причем ключевые в своих дисциплинах специалисты смежных отраслей знания — историки-медиевисты, антропологи, биологи, геологи, этнографы, литературоведы, искусствоведы, музейные работники, краеведы; наконец, администраторы науки, ее начальники в разные периоды советской истории.

Вся эта рукопись, к великой удаче читателей быстро ставшая книгой, готовилась автором во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг., то есть примерно на середине его жизненного пути. Но с тех пор и до последних отрезков своей жизни, то есть почти 35 лет, автор время от времени что-то дополнял и исправлял в ней. Хотя объем этих поправок по сравнению с исходным текстом невелик, но в целом ряде случаев они весьма существенны по смыслу. Так что перед нами мемуары, которые создавались автором как бы заходя, в момент его жизненного акмэ. В итоге же отразившие опыт всей жизни, от детских и юношеских лет вплоть до почти самого конца.

Скорее всего, на эту хронологию прямо или косвенно повлиял пример отца мемуариста, выдающегося русского зоолога и писателя-анималиста Александра Николаевича Формозова (1899—1973), во вторую половину своей жизни поэтапно терявшего интерес и силы к творчеству¹. Причем наш архео-

лог изначально предназначал свои «Записки» для посмертной публикации, вполне сознавая спорность многих своих выводов и оценок. Мои попытки выпросить у него заветный текст для компьютерного набора успехом не увенчались, хотя перед тем мы издали в Курске несколько его рукописей (Формозов 2004; 2008; Щавелёв 2006), как теперь выяснилось, в том числе и приложения к обозреваемым «Запискам»². Теперь понятно, почему так получилось. Хотя и в прижизненных публикациях А.А. рассыпано немало острых, спорных и даже скандальных для кого-то сюжетов, суждений, оценок, степень откровенности итоговых «Записок» вовсе беспрецедентная.

Так что в каком-то смысле перед нами — настоящие мемуары. То есть правдивый рассказ обо всей жизни и обо всем в ней, без оглядки на мнения окружающих, даже самых близких людей, тем более начальства. Опубликованные уже воспоминания некоторых других археологов из близких к формозовскому поколению более или менее удалены от идеала откровенности и объективности (Массон 1974; Молодин 2006; Кияшко 2007; Ковалёва 2008; Добролюбовский 2009; Клейн, 2010; Мерперт 2011; Комаров 2014). Они или слишком приглаживают память, игнорируют все негативные, драматичные ее моменты (как у Н.Я. Мерперта), или драматизм, жизненные противоречия воспроизводят, но некритически — исключительно со своей точки зрения, никогда не сомневаясь в ее правоте (как у Л.С. Клейна). У одного, получается, противников, врагов почти за весь век не было, все друзья, все выдающиеся (даже собственные внуки), а у другого, наоборот, все мало-мальски крупные персонажи выходят противниками, недоброжелателями, да и в науке чего-то недоделавшими. В рецензируемых же записках А.А. Формозова, на мой взгляд, соблюден баланс тех и других — апостолов и злодеев, так сказать; плюсов и минусов, обвинений и покаяний — выглядит убедительнее. Фигура каждого персонажа,

¹ «В близком возрасте — около сорока лет — пережил слом и его отец», то есть дед автора воспоминаний (Формозов 2006: 144). Период 1945—1962 гг. в жизни отца А.А. назвал в его биографии «Кризис», а заключительный — 1963—1973 — «Закат». Досрочный, а то и нелепо ранний уход из бурно начатой творческой деятельности мемуарист отмечает у целого ряда своих предшественников и современников. И у себя самого: «Не достигнув и тридцати лет, я уже пал духом: мой интерес к науке ослабел, всякая работа казалась бессмысленной» (Формозов 2011: 22). Следующие кризисы отмечаются мемуаристом на более поздних жизненных

рубежах собственной биографии. Но опыт отца, деда и других предшественников не прошел для него даром. Он придумал для себя рецепт творческого долголетия и обманул свою наследственность, от десятилетия к десятилетию меняя тематику научных занятий.

² «Три статьи, которые я не смог в свое время опубликовать: “Заметки о русской интеллигенции 1920-х — 1940-х годов” (2003), “Русская археология на грани XX—XXI веков” (1999) и “К спорам вокруг моих публикаций 2004—2005 гг.” (2006)» (Формозов 2011: 9).

основные «узлы» биографии даны стереоскопически, полихромно. Включая самого мемуариста, что самая большая редкость.

Как и положено любой мемуарно-аналитической книге, эта вызовет немало возражений и недоумений. Отметим в сторону не глядя обиды мелкого честолюбия. Отдав должное персонализированной истории гуманитарной науки, попробуем выделить возможные претензии концептуального уровня. Даже не претензии, наверное, а сомнения, размышления в связи с поднятыми мемуаристом темами, его вариантами решения вечных проблем науки и жизни. Принципиальны вопросы, которые А. А. задает нам теперь «с того света». Разделяя и от всей души поддерживая большинство его суждений, некоторые из них я попробую осторожно уточнить. Постараюсь поглядеть на них с разных сторон, в том числе с тех, что моему учителю были откровенно малосимпатичны, органично чужды.

Критика археологического разума

*Все думают, что я комнатный...
Думают, что я интеллигент из Шпенглера,
обречённый на вымирание в силу своей утон-
чённости... Я — нового типа интеллигент.
Я даю пищу для «Пробуждения Европы»,
которое ещё не написано. ...Я могу и ломи-
ком трахнуть. И пока эта сволочь будет
хлопать глазами, не укладывая этого фак-
та в своих мозгах, я еще добавлю.*

С. Дудинцев. Белые одежды

Главное для автора и, следовательно, для читателя этих воспоминаний: ни тот, ни другой не должен думать, что он — единственный судия. А все прочие — подсудимые. Ко всем предъявляется общий нравственный счёт. Но это вовсе не означает, что итоговые оценки будут релятивизированы в духе «все мы тут бражники, грешники» или, как любил говаривать сам А. А., оспаривая этот тезис, «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Нет, своих героев (каждый не без недочетов), как и своих идейных противников (все не без достоинств), мемуарист называет именно. И те, и другие, включая его самого, — только материал для науковедческих, культурологических размышлений, историографических обобщений, науковедческой аналитики. Выводов, освещающих читателю как прошлое, так и настоящее, а то и будущее науки и культуры.

Повторю, что беспощадно относясь к своим идейным и моральным противникам, научным и жизненным антиподам, автор «Записок» не щадит и самого себя. Когда в начале 1990-х годов он принёс в дирекцию родного Института археологии рукопись будущей книги по истории советской археологии, тогдашний его директор отказался ее публиковать. «Вы, Александр Александрович, — заявил он, — в своей работе негативно отзывались о тридцати девяти археологах, многие из которых живы-здоровы». «Нет, — ответил Формозов, — ваш подсчет неверен, — о сорока, потому что и сам себя я оцениваю во многом негативно». Невиданная в академических да университетских кругах откровенность и резкость суждений А. А. Формозова-историографа уже при его жизни неоднократно вызвала ответную реакцию задетых им лиц и особенно их присных. Практически все коллеги читали эти журнально-книжные распри. Не отвлекаясь на всю эту, что называется, «пену (минувших) дней», проследим концептуальные моменты идейного завещания маститого археолога.

Типы и виды учёных-гуманитариев

*Душа моя, печальница
О всех в кругу моём.*

Б. Л. Пастернак. Душа

Классификация коллег осуществлялась А. А. по разным признакам. Во-первых, он разносил персонажей своего анализа по самым распространенным в науковедении таксономическим «полкам»: эмпирики, фактологи — с одной стороны; и теоретики, способные к обобщениям, философскому анализу своего материала, — с другой. Далее, по тому, как ученые относились к государственным властям, руководителям своих научных организаций, коллегам и ученикам. И наоборот, каковы были эти самые начальники, «генералы» от советской археологии. А также в связи с тем, какого стиля работы коллеги придерживались — размеренного или «запойного»; как распределялась их работоспособность по ходу академической карьеры. Одним хватало творческого «завода» на всю жизнь, другие охладевали к науке рано или поздно. Из этих охладевших одни честно прекратили печататься и выступать, а другие, исчерпав запас идей, продолжали повторять одно и то же с трибун и в печати под разными соусами.

Те или иные фамилии зачислялись в ту или иную рубрику (скажем, приспособленца, карьериста; либо диссидента, борца; либо нейтрала, завсегдатая «болота»; либо перебежчика из одного лагеря в другой; либо ошалевшего от всех этих жизненных сложностей слабохарактерного бедолаги) в соответствии с поступками, линией поведения каждого. Особо оговаривались персональные казусы промежуточного, дрейфующего от того или иного морального полюса типа. Наконец, подчеркивалась безмерная сложность и тех, и других, и третьих, и всяких прочих оценок; отсутствие безусловных критериев любого жизненного выбора.

Среди прочих критериев группировки субъектов научного исследования мемуарист считал главным, мне думается, такой, как способности к творческому осмыслению собираемого эмпирического материала. То есть в какой степени ученый становится творцом, как бы инженером-конструктором нового знания, а в какой остаётся стандартизированным эмпириком, ремесленником. «Ремесленники нужны науке. Их работа, сделанная по одному фасону, рано или поздно кому-то пригодится. Но голое описание или [даже] классификация материала и наука — отнюдь не синонимы» (Формозов 2011: 46).

Как вы думаете, в какую рубрику Александр Александрович зачислял сам себя? Оглядываясь на пройденный путь, он с горечью признавал: «В моих сочинениях нет основного — мысли, хотя есть неплохие наблюдения» (Формозов 2011: 46). Вот вам и безжалостный судья. Это-то, как видно, и раздражало «ничтожеств и отпетую сволочь» (Формозов 2011: 44), прикипевших к науке. Те соображали: «Если он, автор стольких и таких книг, так низко сам себя ценит, то где мы тогда находимся по его шкале?» А там и находитесь, куда вас отнес зоркий и правдивый мемуарист.

Как вы полагаете, какой социально-психологический тип более всего ненавистен мемуаристу? Нет, не добровольные палачи своих коллег и приятелей в годы репрессий и проработок. И не самодуры начальники, которые неожиданно отказывались «публиковать ту или иную мою статью и отменяли мою экспедицию», — вспоминает ветеран археологии. — «Параллельно поощрялись абсолютные дилетанты, не умеющие ни копать, ни работать с источниками. И все это не получало никакого отклика. И хорошие, и плохие книги ждал один и тот же прием — безразличие. Хуже этого ниче-

го быть не может. Уж лучше резкая полемика и открытая борьба» (81—82). Так что в глазах Формозова хуже всех — равнодушные. «О, это болото, эта золотая середина — неисчерпаемый резервуар потенциальных предателей!» (Формозов 2011: 82).

По молодости А.А. делил своих коллег на способных и неспособных. А с годами стал делить на честных и нечестных, «причем честная посредственность предпочтительнее самого одаренного жулика» (Формозов 2011: 64). Этот вывод урезонивает тех, кто обвинял А.А. в снобизме, высокомерии по отношению к «рядовым труженикам», провинциалам, научным сотрудникам женского пола и прочим «жертвам беспощадного судьи», каким его клеймили задетые разоблачениями коллеги.

Галерея социально-психологических портретов ученых

Он знал их всех и видел всех почти...

Г. Шенгели

Собственно автобиография составляет только первую треть текста «Записок». Остальные две трети — портреты русских ученых, почти всех из которых автор близко знал. Первую группу составляют археологи старшего для мемуариста поколения. Отдельных очерков удостоены следующие научные работники.

Петр Петрович Ефименко (1884—1969), которого «коллеги не любили, но относились к нему с искренним уважением» (Формозов 2011: 95).

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890—1943) с его «редкой одарённостью», «колоссальной жизненной силой», но и «авантюризмом, делячеством» (115—116).

Сергей Николаевич Замятнин (1899—1958) — любимый наставник автора и в профессии, и вообще в жизни; «за 59 лет жизни сделал столь много, что имя его не забудется. Но такому яркому и одарённому человеку полагалось совершить гораздо больше. Виноват ли он в этом?» (Формозов 2011: 126). Ведь он «не был способен ни к компромиссам, ни к борьбе без перчаток, мучительно переживал хамство со стороны коллег и их издевательства над наукой...» (Формозов 2011: 125).

Павел Иосифович Борисковский (1911—1991) — «скучный машинообразный субъект» (Формозов 2011: 118), «типичная учёная бездарность, зицпрофессор, добившаяся успеха только прилежанием и усидчивостью» (Формозов 2011: 127); хотя «честный

человек, добросовестно работавший над коллекциями, относительно терпимый к критике», но «образчик процветающей посредственности, ...получивший то, что [власти и коллеги] сделали недоступным талантам» (Формозов 2011: 131) вроде Замятнина или Бонч-Осмоловского.

Александр Николаевич Рогачёв (1912—1984), который «даже в старости оставался предельно серым человеком, говорил “лабатория”», но был «человек не без способностей, продиравшийся сквозь завалы книг и коллекций с великим трудом, но порой доходивший своим черноземным умом до чего-то стоящего» (Формозов 2011: 127); с успехом использовавший свой фронтовой опыт при разведках таких палеолитических стоянок, которых не увидели на местности многие его вполне культурные предшественники; «неумение четко выразить свои мысли и вообще говорить по-человечески очень мешало Рогачёву, но все-таки он победил в неравном бою» (Формозов 2011: 134) с Ефименко и Борисковским за признание локальных вариантов палеолитической культуры.

Алексей Петрович Окладников — главный антипод мемуариста и в науке, и в жизни. «Человек, блестяще одарённый природой, достиг громкой известности и всех возможных у нас почестей, но, подчинив свой талант ненасытному честолюбию, конъюнктурщине и дешёвой сенсационности, принёс — на взгляд мемуариста, — больше вреда, чем пользы» (Формозов 2011: 136).

Вторую группу портретов мемуарист посвятил своим московским коллегам-археологам, что были ближе ему по возрасту и занятиям каменным веком. Среди этих последних в особый раздел выделены слависты, поскольку их древности располагаются рядом с обычной историей, построенной на письменных источниках (которыми А.А. Формозов всю жизнь активно интересовался, но почти не затрагивал в своих публикациях). И там, и тут — тоже цепочка очерков, только поменьше объёмом.

Сергей Владимирович Киселев (1905—1962) — едва ли не единственный среди археологических начальников, о котором мемуарист пишет с симпатией и уважением. «Умный ученик Городцова». Именно он, по наблюдениям Формозова, нашел методические пути от вещей коллекций к древней истории того или иного региона (хозяйство, общество, идеология здесь по археологическим данным в отдельные эпохи древнейшего прошлого). Административная карьера

и Киселеву не дала раскрыться в науке полностью, но сделанное им добротное, «да и конкурентов он не изничтожал» (Формозов 2011: 153), не в пример Окладникову да Рыбакову.

А вот Евгений Игнатьевич Крупнов (1904—1970) — один из самых антипатичных по тупости и невежеству персонажей «Записок». Фактов, эпизодов тому приведено в «Записках» предостаточно. «Глупый ученик Городцова».

С искренней приязнью выписаны портреты ученых дам Татьяны Сергеевны Пассек (1903—1968) и Марии Евгеньевны Фосс (1899—1955). Первую за величавую статью прозвали «советской княгиней», а в лице второй мемуарист видел толстовскую княжну Марью. Высоко оценивая обеих как исследовательниц, Формозов выделяет Марию Евгеньевну, жизнь которой оборвалась на взлете, в начале нового этапа исследований, а вот Татьяне Сергеевне перед уходом уже нечего было сказать.

Александра Яковлевича Брюсова (1885—1966) аспирант Саша Формозов не любил, в чем и признается еще раз в «Записках». Почти весь очерк о нем мы с С.В. Кузьминых процитировали в послесловии к изданию брюсовских воспоминаний (Брюсов 2012). Выполнен этот очерк в темных тонах, но отмечаются и некоторые (не все возможные, на мой взгляд) заслуги «Александера» (литературный псевдоним младшего брата Брюсова), начиная со смелой защиты локальных культур в палеолите. Это было непросто в условиях засилья социологизаторов от советского марксизма, таковые отрицавших.

Раздел «Слависты» открывается колоритной фигурой Артемия Владимировича Арциховского (1902—1978). Он прямой учитель Формозова и по университету, и по институту. По сравнению с предыдущими очерками автора о нем (из книг про московских археологов) в «Записках» прибавилось упреков — в соглашательстве с людоедской политикой начальства, неполной реализацией себя в науке. Но и благодарность учителю в очередной раз выражена мемуаристом.

А.А. и в друзьях, и, конечно, особенно во врагах, научных антиподах, не нравилась одна черта: достигнув той или иной степени известности, заняв некие руководящие посты, начинали «почивать на лаврах», повторяться или откровенно бездельничать. Сам он с огромным трудом избежал этого наследственного искуса. Тот же Арциховский, вспоминал как-то в разговоре со мной А.А., который, приезжая сначала на одно из мест

своей службы, на кафедру археологии МГУ, на любую попытку лаборанток что-то согласовать с шефом махал руками, говорил: «Завтра, завтра, сейчас срочные дела в Академии». А переехав в академический институт, просматривал лишь корреспонденцию журнала, а от всего остального отговаривался занятостью в университете. И так изо дня в день, год за годом.

Видимо, сознавая и за самим собой эту опасную склонность опускать руки в пору общественных и служебных неурядиц, А. А. не давал ей развиться, и заставлял себя писать при любых обстоятельствах. В списке его публикаций нет пропущенных лет! С 1945 по 2009, и еще пару-тройку лет посмертно выходили его сообщения, статьи, тезисы, брошюры, монографии, сборники, словари и антологии с его участием. 65 лет на службе археологии!! И это при такой нелегкой наследственности, при тяжелых семейных обстоятельствах (чего стоили хотя бы долгие годы преданного ухода за обездвиженной матушкой) и при равнодушном, как правило, отношении окружающих.

А вот портрет Бориса Александровича Рыбакова (1908—2001) столь же беспощаден, как и окладниковский. Чуть-чуть и у него было от доброго «доктора Джекиля», но гораздо больше от ужасного «мистера Хайда» (известных по рассказу Р. Л. Стивенсона). Свой похожий по объему биографический мемуарный очерк о Рыбакове опубликовал (сначала в сетевой газете «Троицкий вариант», затем в книжной истории русской археологии) Л. С. Клейн, который назвал его «Воевода советской археологии». В глазах Формозова, который куда дольше и ближе знал академика, он нашёл отражение не как мудрый стратег-воевода, а скорее как фельдфебель-самодур. «Так и Рыбаков мечтал о бьющей ключом научной жизни..., но при условии, что все будет ходить по струнке и не посмеют и пикнуть» (Формозов 2011: 170).

Петр Николаевич Третьяков (1909—1976) проделал едва ли не уникальный опыт ухода из науки на самый верх советской власти, в ЦК партии, а потом нашел в себе силы вернуться в науку и добросовестно продолжить полевые и кабинетные занятия ею. Это высоко оценивается мемуаристом, хотя номенклатурное функционирование им же порицается, ведь оно подорвало незаурядные задатки этого исследователя.

Михаил Михайлович Герасимов (1907—1979), на взгляд мемуариста, «приспосабливался не к политическим лозунгам минуты,

а к праздному любопытству мещанской аудитории» (Формозов 2011: 178). Восстановление лица по черепу мало что добавляет к научным реконструкциям первобытности. Сделав такой вывод, Александр Александрович игнорирует пользу от популяризации науки, которой он сам отдал щедрую дань. Но то, что Герасимов растерял свои находки с уникальной палеолитической стоянки Мальта, не ввел их как следует в научный оборот, действительно по любым меркам выглядит непростительно.

Подобной халатности в истории советской археологии мемуарист отмечает слишком много, чтобы ему могли это простить обиженные коллеги. Но с фактами не поспоришь. Возьмем отчеты о полевых исследованиях, чей каталог опубликован за 1945—1964 годы в трех томах (Макаров, Гайдуков 2009; 2010; 2011). В схеме описания этих отчетов заключительный, шестой пункт отмечает место хранения накопанных по каждому открытому листу коллекций. Показателен процент формулировки «Сведений о коллекции нет». За 1945—1954 гг. из 694 отчетов о раскопках нет сведений о местонахождении 286 коллекций (30%); за 1955—1959 — из 830 — 467 (почти 46%); за 1960—1964 гг. из 935 — 608 (около 60%). Вот наглядное математическое выражение того падения нравов в советской археологии, против которого ратовал А. А. Формозов. Зачем мы столько копаем памятников старины на государственные деньги, если результаты раскопок пропадают неизвестно куда? Наверное, какая-то часть неведомых Институту археологии коллекций все же где-то сохранилась, но как их найти будущим специалистам? Так что стоит отметить тех немногих археологов, все без исключения коллекции которых находятся в известных головному учреждению хранилищах. Среди них сам А. А. Формозов и почитаемый им И. И. Ляпушкин.

Павел Николаевич Шульц (1900—1983) в формозовских «Записках» символизирует собой те жертвы, которые понесли столичный уровень честные специалисты. Их вовсю выживали из науки тупые советские чиновники. Героя войны, партизана-инвалида, энтузиаста крымской археологии заставили вернуться в Ленинград, где ему оставалось лишь тосковать по любимой Тавриде.

Выше всех среди наших археологов-славистов старшего поколения мемуарист ставит Михаила Илларионовича Артамонова (1898—1972) и Ивана Ивановича Ляпушкина (1902—1968). И тот, и другой с честью выдер-

жали самые тяжелые годы проработок и теоретической реакции, гонения начальства, но никогда не поддались соблазну подолститься к власти предрержащим, примкнуть к гонителям истины в науке. А главное — продолжали трудиться несмотря ни на что и на шестом десятке лет сумели раскрыться как ученые с максимальной силой. Их экспедиции, коллекции, их монографии оказались самыми долговечными. По ним будут учиться новые поколения археологической молодежи, уверен мемуарист.

Исключительно высоко оценивал мемуарист и фигуру Александра Александровича Иессена (1896—1964). В последнем интервью, что мне удалось взять у А.А. за месяц до его кончины, он посетовал, что не успел написать про него статьи (Щавелев 2009: 437). «Как ни уважали Замятнина и Иессена специалисты, начальство их недолго любило. Оба они были беспартийные, чуждыми духу конъюнктурщины и рекламы, побывали за решеткой. За это и расплачивались. Со средствами на экспедиции и с печатью им фатально не везло, за границу их не выпускали, даже докторскую степень им не присудили, хотя в доктора проходят люди, сделавшие неизмеримо меньше» (Формозов 2011: 62).

Ситуация, когда лучшие исследователи отесняются карьеристами на задний план, не исключение, а скорее, правило для отечественной науки советского (но не только) периода. «В МГУ до 1969 года профессорствовал Борис Николаевич Граков (1899—1970), в прошлом блестящий знаток античных и скифских памятников. В прошлом. Вынужденный уйти из Академии после конфликта с Рыбаковым, он быстро постарел, опустился, махнул на все рукой» (Формозов 2011: 62).

Как видно, за десятками разных по типу поведения коллег автор «Записок» проследивает типичные варианты жизненного выбора в условиях революционной ломки российского общества. Вампиры и их жертвы, если делить по-крупному. Праведники, злодеи и компромиссники, если детальнее. Ну, и всегда остающиеся в меньшинстве подвижники, несмотря ни на что «высоко державшие знамя науки». Напомним, что в остальных мемуарах свидетелей той эпохи — «беззаветные герои все» подряд, как пелось в революционной песне.

Попутно с перечисленными фигурами упоминаются, так или иначе характеризуются десятки других учёных. Кто-то из них положительно, кто-то отрицательно, кто-то противоречиво.

Эту, вторую часть мемуаров заключает ключевой для автора раздел «В поисках точки отсчета». Здесь сконцентрированы его заветные, выношенные всей жизнью в науке выводы относительно того, как она должна быть организована, как нужно вести себя её служителям. Я ссылаюсь на эти наблюдения в заключение рецензии.

Последняя, третья часть воспоминаний — «Встречи и судьбы» — в наибольшей степени дань памяти тем коллегам, которые, не принадлежа к одной с мемуаристом профессии, то есть не будучи археологами, оказались ему самыми близкими по духу, оказали наибольшее влияние на становление его личности. Здесь прежде всего охарактеризованы два антрополога, по сути научных руководителей молодого Формозова на отдельных ступенях его творческого роста — Георг(ий) Францевич Дебец (1905—1969) и Яков Яковлевич Рогинский (1895—1987). Затем выдающиеся представители иных сфер советской культуры — искусствовед Виктор Никитич Лазарев (1897—1976), историк Александр Александрович Зимин (1920—1980), писатель и литературовед Аркадий Викторович Белинков (1921—1970) и популяризатор гуманитарной науки, историк по образованию Натан Яковлевич Эйдельман (1930—1980). Всех их А.А. любил, уважал, почитал. Об этом и ведёт речь, мимоходом замечая те или иные штрихи характеров каждого, что ему лично были далеки. Но эти упреки ничуть не затеняют общей высокой оценки каждого — и научной, и личностной.

Продолжает третий раздел очерк «Краеведы». Здесь автор резюмирует это общественное явление, в общем верно означая этапы его изменения в нашей стране. На рубеже XIX—XX веков это были просвещенные чиновники, учителя, журналисты, офицеры, священнослужители и т.п. ценители местной старины, добровольно и бескорыстно составлявшие на местах статистические да церковно-археологические комитеты, ученые архивные комиссии и т.п. объединения. Я бы уточнил, что они тогда считали себя никакими не «краеоведами» (это советский неологизм), но любителями истории, археологии, этнографии. Помощниками, сотрудниками университетских профессоров. Сейчас сказали бы — волонтерами. Перед нами яркое проявление того гражданского общества и демократического государства, что исподволь формировались в императорской России. С губернскими и даже уездными любителями древностей на равных взаимодействовали та-

кие центры русской науки, как Императорская Академия наук, министерство просвещения, Археологическая комиссия при министерстве императорского двора, университеты, общенациональные ученые общества вроде ИРГО, ИОЛЕАЭ, ИМАО, ИРАО, Археологические институты в старой и новой столицах и т.п. инстанции.

После революции краеведное дело на несколько лет объединило остатки старой интеллигенции и кое-кого из пролетарских энтузиастов новой культуры. Разгром краеведческих обществ в СССР на рубеже 1920-х — 1930-х годов в книгах и мемуарах А.А. Формозова прослежен по статистике репрессий против ученых и краеведов в Москве и Ленинграде, Белоруссии, ЦЧО-области (Формозов 1996: 191—206; Щавелёв 2007). А вот объяснения того, почему после войны краеведение по всей стране возродилось в упрощенном, карикатурном виде, у мемуариста частичные, поверхностные. Да, в Вятке был Е. Д. Петряев (1913—1987), в Курске Ю. А. Липкинг (1904—1983), в Брянске Ф. М. Заверняев (1919—1994), на Белгородчине в 1960-е — 1980-е гг. А. Г. Николаенко и так почти по всем регионам нашей страны. Они много сделали для изучения «своих» древностей, развели и даже раскопали сотни памятников разных эпох, очень помогли профессиональным ученым из обеих столиц. Но и эти энтузиасты, кто больше, кто меньше, грешили дилетантизмом. Да и не могли они в одиночку заменить тот коллектив исследователей, который способен как-то контролировать состояние древностей на огромных просторах такой огромной державы. В общем, идеализировал А.А. советских краеведов всех поколений. Ждал от них большего, чем они могли дать. Видимо, по контрасту с нравами академического да университетского миров, которые он знал лучше провинциального. А в провинции оказались те же противоречивые нравы — от подвижнических до жуликоватых, — что и в столичных центрах.

В качестве дополнений к воспоминаниям автор записал некоторые любопытные эпизоды детства и юности. В этом «Калейдоскопе» каждый из вроде бы случайно попавших сюда персонажей тоже, как и ученые, иллюстрирует многие социально-психологические типы людей разных поколений и общественных рангов. Эти немудреные зарисовки нравов и быта поучительны — мало кто из творческих людей находит силы и время запечатлеть подобные коллизии своей повседневной жизни, а зря.

Что дает наше университетское образование?

*Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву.*

Н. А. Некрасов. Школьник

На исходе жизни Формозов благодарит нескольких своих преподавателей по историческому факультету МГУ за ценные уроки, но в целом оценивает уровень обучения там отрицательно. С 1950-х годов, когда он был там студентом, и до недавних пор, зная многих преподавателей и слушая рассказы студентов нынешних, у него возник ряд претензий: вместо того, чтобы учить студентов мыслить, их пичкают все новыми порциями фактов; не дают философии и методологии профессии, лишь примитивную методику раскопок (и вообще эмпирических — полевых, архивных, музейных занятий). «Университет представлял собой не что иное, как 11—15 классы средней школы. Здесь нам предлагали задолбить еще сотни дат, имен, событий и совсем не объясняли, что же надо делать с этим сырым материалом специалисту» (Формозов 2011: 43). Что уж говорить о провинциальных пединститутах, тоже именующихся теперь университетами. Таланты исследователя и педагога редко совпадают. Формозов всю жизнь упорно отказывался от преподавания, хотя его неоднократно приглашали вернуться в *alma mater*.

Формозовские инвективы по адресу высшей гуманитарной школы, надо признать, во многом справедливы. Сужу об этом по собственным наблюдениям выпускника историко-педагогического факультета провинциального пединститута 1975 г., а также отца выпускника исторического факультета МГУ 2001 г. Ни там, ни там не учили палеографии, истории русского языка, архивистике и прочим специальным историческим дисциплинам. Наших учителей всему этому учили, а они нас — нет. Так в позднем СССР «прервалась связь времен» в исторической гуманитаристике.

Но все же, худо-бедно, штаты кафедр университетов, академических институтов, музеев как-то комплектуются; находятся для этого энтузиасты, более или менее способные, среди каждого нового поколения выпускников истфаков. А недовольство формозовского толка своими официальными наставниками не есть ли вечный синдром некоего неизбежного разрыва поколений? Не бросив вызова

предшественникам, не пойдёшь дальше них... Просто в печати, на официальных трибунах ученые говорят о своих предшественниках и тем более сверстниках обычно только хорошее, оставляя недовольство ими же для частных разговоров. Против подобного двуличия и выступал всегда автор «Записок русского археолога».

Роль теории и методологии в специальной науке (той же археологии)

В дружеской беседе среди близких приятелей подобные схоластические рассуждения не лишены привлекательности, но в Совете государей, где обсуждаются дела важные и с полным авторитетом, для них нет места. ...У государей нет места для философии.

— Да, — отвечаю я, — для той схоластической, которая считает, что она пригодна везде и всюду. Но есть и другая философия, более житейская, которая знает свою сцену действия ...Вот её-то тебе и надо применять.

Т. Мор. Утопия. 1516 г.

Мемуарист всю сознательную жизнь искал общую идейную основу своих историко-археологических штудий. Применительно к своему батюшке Александру Николаевичу Формозову, признанному в мире сооснователем биологической экологии, он отмечал, что-де тот «биологию и смежные науки знал хорошо, но, пожалуй, не искал и не вынашивал исподволь какую-то единую систему взглядов, некую философскую базу для всех конкретных исследований. Я чувствую, — признавался Александр Формозов, — что и в моих книгах и статьях недостает такой базы» (Формозов 2011: 33). Хотя он и читал всю жизнь самых разных писателей и философов разных стран, народов и времен. Так, уже бывши под восемьдесят лет и увидав у меня биографию М. Хайдеггера, попросил почтить и потом к месту цитировал в своих последних статьях.

Узнал, какая у Формозова-археолога была мировоззренческая база, его ленинградский коллега и старинный приятель Лев Самуилович Клейн. Он объявил и его «теоретиком археологии» (Клейн 2014: 550). А в доказательство стал почему-то разбирать труды Формозова по истории науки. На мой взгляд, тут спутаны понятия. Прежде всего — теории и методологии. Теория, как известно, опи-

сывает и объясняет некий объект. А методология следит за работой субъекта и обобщает его опыт познания и действия. Одно дело идея (одна-единственная) локальных культур в палеолитоведении, развивавшаяся А.А. Это идея теоретическая, относящаяся к предмету изучения. Но к историографии археологии, которой много занимался Формозов, она прямого отношения не имеет.

Далее Клейн говорит о позитивистской установке Формозова. Это-де основа методологии его, Формозова, мышления. Причем далеко не только его, но и абсолютного большинства российских археологов. По крайней мере, в той интерпретации позитивизма, что приводится Львом Самуиловичем в его биографическом очерке о Формозове. Но ведь теорию в клейновском ее понимании они, практикующие археологи, в своем большинстве молчаливо игнорируют. Люди предпочитают работать по специальности, а не говорить о работе, каких-то ее предпосылках. Точно так же Формозов несколько раз писал, что всякие модные словечки вроде «парадигмы», «гипертекста», «консеквенции» и т.п. ничего не дают археологам-практикам. А что, разве не так?

В свое время А.С. Лаппо-Данилевский заставлял всех студентов-историков Петроградского университета слушать свой спецкурс по неокантианству. Они покорно ходили, но в мемуарах плевались, открещивались. Вердикт их был такой: «Заниматься методологией все равно, что доить козла» (Панеях 2000: 378). Поэтому, зачисляя Формозова в теоретики, да еще позитивисты, мы в чем-то упрощаем его образ. Сам Александр Александрович себя теоретиком не признавал, хотя, может, и был им, только по-другому, чем это представляется Л.С. Клейну.

Скажу больше, при всем моем (как выпускника философского факультета ЛГУ имени А.А. Жданова) интересе и уважении и к теории, и к методологии, и особенно к истории науки, нельзя не заметить их объективного вреда для той же полевой и кабинетной археологии. У нас масса ненайденных и нераскопанных объектов старины, у нас множество раскопанного материала лежит не то что неизданным, но даже не обработанным, не законсервированным, не музеефицированным. Специалистов, могущих и призванных выполнять эту научную и музейную работу, наперечет. Так нет же, многие из них все чаще и плотнее занимаются историографией. А то еще и «теорией». Как правило, не связанной прямо с их научной тематикой в археологии. Как выразился кто-то из зарубежных

коллег, это все равно, как если бы часть футболистов переместилась бы с поля на трибуны и взялась комментировать игру тех немногих, кто еще сам играет в футбол... Этот «ларчик открывается просто»: по истории науки защитить диссертацию куда легче, нежели по археологии того или иного культурного горизонта некоего региона. Вот их и защищают ежегодно по несколько, перенося формозовскую или мою периодизацию на «свой» регион.

К теоретической базе формозовских работ по истории науки я бы отнес его идеологические предпочтения — наследника русской разночинческой интеллигенции, демократа и патриота (без всяких кавычек для этих публицистически замусоленных ярлыков). Подробнее я пытаюсь об этом говорить в своем отзыве на книгу А. С. Смирнова (Щавелёв 2012). Она выполнена с других идейных позиций, которые Формозов вряд ли бы принял. Но между имперским и либеральным пониманиями патриотизма в гуманитарной науке, скорее, отношения дополнительности, на мой взгляд, а не взаимного исключения. И эта вот идейно-теоретическая подкладка историографических исследований работает в них (отбор материала, оценки разных фигур), а не располагается отдельно, как у Л. С. Клейна (который вряд ли случайно так и не выпустил второго, обещанного тома своей «Теоретической археологии»).

Повторю и резюмирую немного по-другому. Формозов отнюдь не игнорировал, не третирует настоящую теорию, философию. Напротив, он всегда искал у других, мечтал сам проявить широкий взгляд на свой предмет, вслед за фактологическим и типологическим анализом дать глубокий синтез в той или иной области знания. Например, применительно к своему старшему другу искусствоведу Виктору Никитичу Лазареву он с «белой завистью» отмечал, что «его монографии касаются не частных вопросов, а самого главного для данной области знания. Они посвящены выдающимся художникам, важнейшим школам, памятникам первостепенного значения, узловым моментам развития культуры, и не одной какой-то эпохи или страны, а по крайней мере четырьмя разделами истории искусств — византийской и древнерусской живописи, итальянскому Ренессансу и европейским мастерам XVI—XVIII веков» (Формозов 2011: 197). Схожие восторженные оценки широте и глубине мысли у Формозова встречаются и применительно к А. С. Уварову, С. И. Вавилову, Я. Я. Рогинскому и некоторым другим ученым. Но только не применительно к научным фан-

тастам типа Е. И. Забелина или Н. К. Рериха, Б. А. Рыбакова или А. П. Окладникова.

То есть Формозов мечтал о том, чтобы идеи великих философов, писателей, художников наводили ученых специалистов — археологов, историков, искусствоведов и прочих — на какие-то принципиальные обобщения, тотальные выводы из их собственного материала. «Надо искать выхода из лабиринтов книг и стеллажей с архивными документами и археологическими коллекциями к большому, волнующему все человечество вопросам — этическим, эстетическим, философским» (Формозов 2011: 83). Философия тут увенчивает результаты конкретно-научного синтеза. Связывает науку с остальной культурой, выполняя подсобную роль «строительных лесов» мысли и чувства. А у теоретиков уровня Л. С. Клейна, Я. А. Шера и т. п. эти «подмости» выставляются напоказ — теория предлагается только для самих же археологов, ограничивается их специфическим материалом. И отгораживает науку от культуры и просвещения, чего они сами никогда не признают, мня себя как раз культуртрегерами.

Столица *versus* провинция

...Едва

Где сыщется столица, как Москва

А. С. Грибоедов. Горе от ума

Воценке соотношения столичных и провинциальных центров археологии А. А. несколько отстал от жизни. Справедливо ругая провинциалов послевоенных, да и многих последующих лет за серость и карьеризм, он не заметил, не захотел увидеть, что постепенно положение изменилось. По многим направлениям именно в провинции сложились ведущие в стране научные центры, с международными связями, передовыми по методике раскопками, весьма качественными изданиями, интересными мугеями. А столичные коллеги во многих отделах академических учреждений постарели, их деятельность поутихла, равноценной замены им не находится. То ли потому, что наука перестала привлекать молодёжь в кризисные 1990-е гг., то ли потому, что многие старики ревнуют к её успехам, подбирают в помощники и преемники серые кадры. Теперь во многих московских и петербургских экспедициях официальных начальников замещают выходцы из провинции. Они прекрасно подготовлены для работы в поле, для составления сложных отчётов, которые сегодня предельно компьютеризированы. Столичную же молодёжь

в науку (тем более такую хлопотную, как археология) тянет меньше, есть более денежные занятия. А у провинциалов — здоровое честолюбие, завидная энергия, да и подготовка теперь уже на должном уровне. В конце концов, родители самого А. А. доказали это в экспериментальном порядке, перебравшись из провинции в столицу и преуспев там. А сегодня о том же свидетельствует масса поклонников Александра Александровича, соавторов трех сборников в его честь, большинство из которых — сегодняшние или вчерашние провинциалы (Гуляев, Кузьминых 2004; Столяр 2004; Каменецкий, Сорокин 2010). Интернет, международные контакты доламывают барьеры между столицей и провинцией.

Социальное происхождение ученого

Мне дела нет, — заявил отец, — до их выдумок в герольдии. Я гвардии полковник и потому потомственный дворянин.

А. А. Фет. Мои воспоминания

Поблизости от обозначенной дилеммы «столица/провинция» в науке и культуре располагается вопрос о социальных корнях претендентов на звание ученого. Наблюдения Формозова по этому поводу противоречивы. Он то хвалит преуспевших в науке выходцев из крестьян И. И. Ляпушкина и А. Н. Рогачева, то ругает «сына мясника» академика В. П. Алексеева и сына «провинциального адвоката» академика А. Л. Яншина; то восторгается упорством своих родителей, сумевших за несколько лет получить в столице образование и утвердиться на высотах науки; то не одобряет своего же отца, стремившегося привлечь в ученики и сподвижники рабфаковцев, бывших красноармейцев да чекистов.

Мне кажется, тут надо понять А. А. таким образом. Конечно, в среднем, в целом лучшие исследователи получаются из тех, кто воспитан в интеллигентных семьях. «Отнюдь не всё равно, слышит ли ребёнок изо дня в день об университете, науке, книгах и экспедициях, или о шифоньерах, отрезах, блате и взятках» (Формозов 2011: 11). Недаром говорится про три университета, которые нужны для выделки интеллигента — высшую школу должны были пройти еще твои отец и дед. И все же из этого правила имеются исключения, порой довольно многочисленные. Тут все дело в способностях и упорстве выскочки из общественных низов на вершины науки и культуры. И в его ценностных приоритетах: знания

в первую очередь или только служебная карьера? В тех же самых «Записках» содержатся яркие примеры того, как морально «скурвились» не только дети купцов да лавочников, но и учителей или академиков. Среди его однокурсников один потомок родовитой княжеской фамилии казался мемуаристу пустым местом, а другой князь-рюрикович стал его другом. Так что никакого «социального расизма», даже московского снобизма в «Записках» вы не найдете.

Долой феминизм! О месте женщин в науке

*Почему пошла ты в проститутки?
Ведь могла геологом ты стать,
Или быть водителем маршрутки,
Или в небе соколом летать.*

*В этой жизни есть профессий много,
Выбирай любую, не ленись,
Ты пошла неверною дорогой,
Подожди,
Подумай,
Оглянись!*

И. Иртеньев. Камелия

Будучи счастливо женат на ученом с мировым именем — античнице Марианне Казимировне Трофимовой, А. А. не жаловал остальных коллег в юбках. Заметной частью академического балласта он считал «дам и мужчин дамского склада. ...Женская аккуратность и тонкая наблюдательность в лаборатории незаменимы. Но... чаще всего дамы — узкие специалисты, широкие горизонты и ясное представление о целях и путях науки им несвойственны. К тому же все проблемы и исследования значат для них куда меньше, чем семья, дом, любовь, дети. Женщины хороши в роли лаборанток, помощниц, сотрудниц ...Беда, если, как у нас в Институте, они составляют три четверти коллектива, и в общественном мнении их голоса звучат громче всех. И авторы полезных сводок об античных клеймах или керамике какой-нибудь эпохи, и абсолютно бестолковые бабы стремятся к одному — тихо и спокойно возиться с закреплёнными за ними маленькими темами. Им невдомёк, почему кто-то чем-то недоволен и ратует за перемены. ...Естественно, на этом фоне Окладниковы и Рыбаковы благоденствуют» (Формозов 2011: 67).

Хотя для отдельных ученых дам А. А. делал исключение. Неизменно подчеркивал на-

учные заслуги матери, Любви Николаевны, в девичестве Промптовой, химика и геолога. С восхищением писал он о своих наставницах Татьяне Сергеевне Пассек, а в особенности о Марии Евгеньевне Фосс, чье учительство ершистый Саша Формозов благодарно принимал. А вот среди ровесниц и младших поколений академических женщин мало кого признавал, печатно объявлял некоторых из них бездарностями и конъюнктурщицами.

Если отвлечься от персоналий, с отдельными (но далеко не со всеми!) из которых Формозов, наверное, переборщил, ругая их, то в целом оценить прекрасную часть ученых придется противоречиво. Как известно психологам, гендерное распределение интеллекта в популяции асимметрично. Если гениев среди прекрасного пола действительно немного по сравнению с полом сильным, то вот дураков явно больше, чем дур. Чтобы в этом убедиться, давайте поищем женщин среди нобелевских лауреатов. Давайте поищем зрелых мужчин среди лаборантов. Именно поэтому, а не по семейным обстоятельствам, в математике да теоретической физике дамам тяжелее, чем в археологии с ее кропотливой камеральной, музейной нишей. Так что на ролях исполнителей, да еще при дефиците мотивированных мужчин, и слишком распространенном среди них алкоголизме, дамская часть историков, археологов, искусствоведов-реставраторов, текстологов, редакторов, корректоров, лаборантов, архивистов, музейных хранителей, экскурсоводов свое дело знает и исполняет на совесть. Но зато и среди пробившихся на мало-мальски руководящие посты дам самозванок встречается слишком много. Толковая женщина-профессор, заведующая сектором, директор — большая редкость, хотя бывают и счастливые исключения. Формозова тоже, очевидно, раздражала личностная, бытовая ангажированность увенчанных учеными степенями дам: быт, семья (а особенно ее отсутствие), дети (тем более их отсутствие) часто теснят науку. Что уж тут поделаешь, надо признать это. Сильный и прекрасный пол в цивилизованном обществе юридически равны, но это равенство распространяется далеко не на все профессии. Пожалуй, это аксиома. И никакая эмансипация их не уравнивает. Недавняя попытка гениального физика В. Л. Гинзбурга повысить процент женщин в Российской Академии наук отдаст донкихотством.

Обойденные пуритански настроенным мемуаристом социально-психологические аспекты присутствия и поведения женщин в лабораториях и на кафедрах рассматривают-

ся другими авторами (см. прежде всего: Родоман 2011).

Похоже, мой учитель все-таки разглядел настоящую дилемму женщин, пошедших в науку. Ярче всего он показал эту коллизию на примере своей матери. Отметив ее научные достижения, принесшие ей кандидатскую и докторскую степени, уважение серьезных академиков, с которыми она работала, сын отмечает, что «для нее самой, подобно большинству женщин, важнее всего были не поиски истины, а семья, дети, личная жизнь» (Формозов 2011: 28). Получается, чем серьезнее вклад дам в науку, тем меньше у них женственности, семейственности; и наоборот.

Напомню его же неподражаемое эссе на эту тему: «Бедная Маша!» «Сложнее с бездельниками — мудро предупреждал А. А. — В каждом научном учреждении таковых предостаточно. Все мы знаем типичные случаи: приходит в институт милая молодая женщина. Довольно скоро ее жизнь в подробностях известна сослуживцам. Старики-родители болеют, получают маленькую пенсию, муж пьет, сын связался со скверной компанией и т. д. Жалко бедную Машу! Голова ее занята домашними бедами, где уж тут наукой заниматься. И держат Машу в штате до пенсии, а то и до смерти. О том, что на ее месте мог бы работать творческий человек, стараются не думать. А рядом квалифицированный филолог-классик, автор многих статей о культуре древней Греции, переводчик философских трактатов Аристотеля, служит лифтером, и почему-то никто не видит в этом трагедии. На мой взгляд, не случилось бы трагедии, если бы в лифтеры ушла Маша, уступив свое место более достойным.

Маш много, и беда в том, что иные из них не просто бездельничают, а чтобы закрепить, вступают на все ту же чиновничью стезю и путаются под ногами у других. ...Есть разные позиции: обывательская, безусловно, более низкая, чем научная; и жизненная — самая высокая. Перепутать их легко. Обывательскую точку зрения большинство и разделяет, и приветствует; жизненную же — не понимает и осуждает» (Формозов 2008: 97).

На самом деле, со многими нормальными в институте и в музеях, архивах более или менее «Машами» А. А., конечно, вполне искреннее уважительно общался. Но стоило ему печатно отметить псевдофеминистскую тенденцию в нашей науке, как большинство ученых дам обиделись, приняли на свой счет. Таковы вообще побочные последствия публично высказанной правды.

Оценки политических режимов в старой, новой и новейшей истории России

Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчётами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т. д., и т. п.

А. Т. Твардовский. Новомирский дневник

Политические взгляды, прямо повлиявшие на историографические предпочтения и оценки А. А., были непростыми. С одной стороны, как и положено советскому школьнику, студенту, аспиранту и научному сотруднику, он осуждал темные стороны дореволюционного прошлого — не жаловал царизма, вообще имперской идеи и политики. Но патриотом родины был верным, искренним. Уже с рубежа 1950—1960-х гг., когда всё в истории у нас было только советским, а «история СССР» начиналась с каменного века, Саша Формозов умудрялся писать и публиковать книги о прошлом русской археологии, потом о каменном веке на территории России. Их отметили даже в эмигрантской среде, как некий странный для советской цензуры симптом. Так, княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская благосклонно отрецензировала его «Очерки по истории русской археологии» в парижской «Русской мысли».

«Государство и общество, — решил Формозов, — не синонимы, а антиподы» (Формозов 2011: 222). Получается странный лозунг: за русский народ, каковы бы ни были его недостатки, но против российского государства, и прежнего, и нынешнего?.. Почти так же считали нигилисты разных мастей, радикалы второй половины XIX — начала XX века. В этом плане мемуарист выходит если и не «красный» идеологически, то «розовый». Это позволило ему оценить и показать читателям нескольких замечательных разночинцев, сопричастных становлению отечественной археологии. Но это же помешало ему отдать должное многим родовитым, сановным ее же основателям. Среди верноподданных и чиновных лиц исключение делалось А. А. только для четы

Уваровых. Алексея Сергеевича и Прасковью Сергеевну историограф ставил исключительно высоко. Однако же их придворные связи, их коммерческую деятельность, без которых в ту пору были невозможны масштабные проекты изучения древностей, этот исследователь игнорировал. Тему «Археология и самодержавная власть» стали разрабатывать уже после Формозова.

С другой стороны, мемуарист признается, что и его отцу, и ему самому лучше жилось и работалось бы при этом самом царизме, в указанный им как историографом период третьей четверти XIX в. Советскую власть осуждал беспощадно. Точно так же, как «белые». «На традиционный вопрос “Что вам дала советская власть?”, я бы ответил за отца: “Ничего хорошего. Всё, что у меня есть, я получил бы и без нее, не сталкиваясь при этом со множеством мерзостей”» (Формозов 2011: 23). Быстро испарились у начинающего археолога остатки иллюзий насчет социализма: «Жизнь без наживы — заветная часть»; «жилье, образование давали бесплатно»; «лечили бесплатно», «в санатории все ездили ежегодно» и т. п. слоганы его не прельщали. Потерянными во многом оказались поколения, которые почти весь свой век, лучшие свои годы простояли в вечных очередях за самым необходимым; протеснились в коммуналах; получали собственную комнату на седьмом десятке лет, как Формозов-старший; которых бесплатно лечили от недугов, которыми и награждал их же репрессивный режим; а главное, те миллионы сограждан, что потеряли родных и близких ни за что. Так что тоталитаризм советского типа мемуарист оценивал трезво и откровенно ненавидел — в отличие от многих современных политологов, объявлявших его выдумкой врагов России.

Отмечал ветеран нашей науки и противоречивость реформ 1990-х годов. Дав свободу слова и передвижения, они сделали нищими науку и культуру. Усилили бегство умов и других капиталов из России. Привели к власти второразрядных деятелей все той же советской, коммунистической выделки. В Польше, восточной Германии провели чистку государственных учреждений от бывших коммунистических функционеров. В нашей стране, с горечью отмечал Формозов, ни тени люстрации. Поэтому, в частности, внешне демократические формы организации науки остаются в России коррумпированными. Гранты РГНФ, РФФИ распределялись, на его взгляд, далеко не всегда справедливо, в узком кругу несколь-

ких администраторов от академии да высшей школы (об этом же язвительно написал в своем академическом романе «Соловьев и Горчаков» доктор филологических наук Е. Водолазкин).

Рецепты выхода из этой ситуации поначалу показались мне у учителя идеалистическими: сплываться ячейкам гражданского общества наподобие редакции «Нового мира» при А. Т. Твардовском или трупы первой любимовской «Таганки»; русских биологов, не покорившихся дичайшей лысенковщине; коллективу Института истории материальной культуры 1940-х — 1950-х годов, сумевшему сплотиться и возродить нашу археологию после репрессий и войны; т.п. объединениям по душам и благородным целям. После массовых митингов и протестов в столице 2011—2012 годов, усиления гражданского контроля добровольцев над выборами в Москве и других крупных городах, рекордно низкой явке на выборы 2016 г. там же мне подумалось: «А может, Формозов был прав?»

Откровенность против двуличного лицемерия

... Мать ... молвила:

— Дружно ... живите.

Но как жить? Как же жить?

М.А. Булгаков. *Белая гвардия*

Сквозной вопрос, звучащий в этих мемуарах: «Как же жить?»³. В условиях то ли самодержавного абсолютизма, то ли красного террора, то ли советского застоя, то ли бандитской «демократизации», то ли постпостсоветской «стабильности». Любому непредвзятому читателю формозовских воспоминаний будет увлекательно и полезно искать вместе с автором ответ на этот кардинальный вопрос. Противникам же формозовской критики, которая суть искренняя и глубокая рефлексия крупного мыслителя-гуманитария, ответ на этот вопрос ясен. Не высовываться, не раздражать начальство, «ложиться» под любой авторитет. В общем, быть Молчалиным ради того, чтобы со временем стать Фамусовым или Скалозубом. Люди не меняются, нравы тоже. «Горе от ума» и совести — рефрен формозовских воспоминаний и размышлений.

³ Вряд ли Александр Александрович сознательно повторил здесь фразу из первого романа М.А. Булгакова. Скорее, непреднамеренный рефрен выдал потаенную формулу российской интеллигенции на разных этапах ее выживания и служения. Хотя произведения этого писателя А.А. знал текстуально, нередко цитировал.

Хотя «Записки» в какой-то своей части повторяют напечатанное при жизни автора, но они весьма существенно дополняют наше представление о личности и взглядах Александра Александровича. Точнее говоря, автор неоднократно заимствовал из своих рукописных «Записок» материалы для книг, статей, некрологов, выходивших в 1980-е — 2000-е годы. Но и в изданных сейчас воспоминаниях и размышлениях преобладающая часть текста публикуется впервые, а те сюжеты, что перекликаются с прижизненными публикациями, в «Записках» даны, как правило, шире, подробнее и откровеннее.

И, чтобы закончить с датировкой этих мемуаров, отмечу, что, болея на старости лет все больше и больше физически, Александр Александрович психологически и интеллектуально избежал, на мой взгляд, того возрастного кризиса, которым были отмечены биографии его отца, и деда, и дяди по матери, известного орнитолога А.Н. Промптова. Точнее, он сознательно, планомерно обманул свою генетическую судьбу, несколько раз в моменты душевного спада, разочарования в окружающих и в себе самом, меняя тематику исследований и манеру письма. Руководствуясь при этом завидной логикой: писать о том и так, как ему в тот или иной момент больше всего нравилось по натуре, к чему влекло с ранних пор. Вот в чем оказалось его противоядие от житейских потерь и ударов судьбы: «героев своих надо любить», будь то у археолога охотники на мамонтов финального палеолита Восточной Европы или строители русской археологии позапрошлого века. А когда одни герои покидают твою душу, найти для себя новых. Не всем этот рецепт подойдет, но для формозовской природы он оказался спасительным. Так, полевая археология эпох камня и бронзы (1940-е — 1950-е) сменилась в его научной биографии историей и теорией первобытного искусства (1960-е — 1970-е), а та историография отечественной науки (1970-е — 1990-е). Наконец, пришла пора высказаться публично о самом главном в его представлениях учёного и гражданина — об этике и психологии науки, миссии российского учёного (1990-е — 2000-е). Тут уже пришлось не только любить героев-современников, но и не любить, разоблачать антигероев вокруг себя. А это тоже мотив для творчества у пожилого, больного и разочарованного, но не сломленного человека.

Разумеется, между этими отрезками формозовской интеллектуальной биографии оставалась преемственность; на каж-

№1. 2017

дом новом этапе он возвращался к чему-то из прежних сюжетов, и эти возвраты знаменовались статьями и даже книгами. Но об отходе от прежней тематики автор честно и гласно предупреждал коллег и читателей. Работы по всем этим направлениям готовились и иногда публиковались им как до, так и уже после очередной смены исследовательских пристрастий. Так что каких-то интеллектуальных метаний, душевных катаклизмов в его учёной жизни не заметно. Каждое новое направление исследований вызревало в недрах предыдущего исподволь (любимое формозовское словцо!). Свои итоговые, самые важные для него книги он подготовил и напечатал (Формозов 2006), вместе с основательно доработанными переизданиями (Формозов 2000; 2007), как раз за последнее десятилетие свой жизни. Все, кто лично общался с ним в 1990-е — 2000-е годы, подтвердят, что его память оставалась все такой же огромной на имена и события, восприятие собеседника и суждения живы и остроумны. За месяц до кончины, предельно ослабев после длительного пребывания в клинике, он дал мне интервью и нашел силы его выправить в корректуре печатного издания.

* * *

Вдова ученого Марианна Казимировна Трофимова, а также его коллеги по Институту археологии, в первую очередь Алексей Николаевич Сорокин и в особенности Сергей Владимирович Кузьминых, проделали огромную работу по изданию рукописи «Записок». Они умудрились найти спонсоров, прежде всего — автономную некоммерческую организацию содействия сохранению историко-культурного наследия страны «Наследие», оплативших это, весьма качественное полиграфически, издание. Правда, в нём нет привычных и даже необходимых для этого книжного жанра атрибутов. Не помешали бы именной указатель, список сокращений. Однако такого рода справочное оснащение могло и задержать издание, чем при нынешней инфляции и ненадёжности финансирования культуры рисковать не стоило.

Опечаток в книге многовато. Например, в последнем абзаце на странице 79 — четыре подряд. Причём в простых выражениях. Корректорша тульская типографии, где печаталась книга, в ряде случаев оплошала. Например, сокращение от Владислава — Владик, а не Владек» (это по-польски). «Негоже» — наречие, пишется вместе. В сло-

ве «бессребреник» не нужна третья буква «с». Запятых, тире недопоставлено немало. Передоверилась тульская корректорша рукописи уважаемых учёных. Сам мемуарист скрупулезно исправлял своей излюбленной черной тушью все опечатки в даримых коллегам сочинениях. Теперь этого сделать некому.

Книга иллюстрирована портретом мемуариста (на форзаце), очень выразительно передающем его натуру: А. А. конспектирует архивный документ в музее М. Е. Салтыкова-Щедрина. Помещены портреты почти всех крупных персонажей этих воспоминаний, а также «рабочие моменты» (как говорят археологи) тех экспедиций, собраний, конференций, где участвовал А. А. Прекрасные иллюстрации.

Археографическая справка предельно краткая. Из неё узнаёшь, что «текст “Записок” приводится по рукописи (машинопись с авторской правкой и дополнениями от руки), хранящейся в архиве А. А. Формозова. Автор работал над “Записками” вплоть до своей кончины, доведя повествование до 2000-х годов. Часть текстов, входящих в состав “Записок”, публиковалась при жизни А. А. Формозова в различных изданиях» (Формозов 2011: 5). Остаются вопросы. Будет ли эта и другие рукописи учёного переданы в какое-либо государственное архивохранилище? В посмертных «Записках» он выражает надежду, что те его рукописи, что он сам сдал в архив Института археологии, когда-нибудь будут напечатаны. Производились ли в рукописи купюры? В увидевшем свет тексте воспоминаний даже при самом внимательном чтении не заметно никаких пропусков. В самых откровенных и острокритичных местах имена названы подробнее, чем в прижизненных изданиях; оценки лиц и событий производят впечатление полной авторской аутентичности. Но надёжнее всё это проверить по архивированной (когда-нибудь?) рукописи.

Так что необходимо от всей души поблагодарить Марианну Казимировну и всех её сподвижников за образцовое по содержанию и форме, предельно скорое по времени обнародование итогового труда Александра Александровича.

* * *

Мемуарист поделился с нами одним из своих исследовательских замыслов. Название для этой ненаписанной работы впечатляет: «Дерево, из которого режут королей». Так

называлось одно из произведений Генрика Ибсена. Формозов же задумывал сравнить образы пяти историков стартового периода нашей гуманитарной науки — М. Т. Каченовского, Н. С. Арцыбашева, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, С. М. Соловьёва. С 1818 (выход в свет «Истории государства Российского» А. Н. Карамзина) и до 1851 г. (публикация первого тома соловьевской «Истории России с древнейших времён»). Каждый из отмеченных авторов пытался дать собственный синтез отечественного прошлого, но после Карамзина это удалось только Соловьёву. Мешали или помогали учёным как их личностные качества, так и политическая обстановка? Мемуарист под этим же углом зрения подытоживает и персонифицированный путь

русской и советской археологии за весь период их существования и эволюции. Имена одних гонителей науки (вроде царских обер-прокуроров или советских инструкторов ЦК) забудутся, имена других корифеев запомнятся своей замаранной репутацией. Мемуаристу особенно дороги те немногие коллеги, в очень сложных условиях моральным нормам не изменившие (184—185).

Из столь же редкого и ценного материала, как и его любимые герои в науке и жизни, была изготовлена натура русского археолога и мыслителя Александра Александровича Формозова. Таких личностей в каждой области науки на весь двадцатый век — раз-два и обчёлся. Вот у них и нужно учиться, в меру сил каждого из нас, тому, «как же жить».

Литература

- Брюсов А. Я. 2012. *На тропах археологии. Воспоминания*. Кузьминых С. В., Щавелёв С. П. (сост.). Москва; Курск: КГМУ.
- Гуляев В. И., Кузьминых С. В. (ред.-сост.). 2004. *Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова)*. Москва: ИА РАН.
- Добролюбовский А. О. 2009. *Одесса одного археолога*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (отв. ред.). 2010. *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009)*. Москва: Гриф и К.
- Князешко В. Я. 2007. *Полвека археологии и кое-что еще*. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.
- Клейн Л. С. 2010. *Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Клейн Л. С. 2014. *История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С., Щавелёв С. П. 2011. *Александр Александрович Формозов (1928—2009). Послесловие*. Курск: КГМУ.
- Ковалёва И. Ф. 2008. *Жизнь, проведенная в могиле. Исповедь археолога*. Днепрпетровск: Арт-Пресс.
- Комаров К. И. 2014. *Жизнь. Рассказы о минувших годах*. Москва: Центр учебной литературы.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г. (отв. ред.). 2009. *Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог 1945—1954 гг.* Москва: ИА РАН.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г. (отв. ред.). 2010. *Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог 1955—1959 гг.* Москва: ИА РАН.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г. (отв. ред.). 2011. *Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1960—1964 гг.* Москва: ИА РАН.
- Массон М. Е. 1974. *Из воспоминаний среднеазиатского археолога*. Ташкент: УзФАН.
- Мерперт Н. Я. 2011. *Из прошлого: далёкого и близкого*. Мемуары археолога. Москва: Таус.
- Молодин В. И. 2006. *Меч Каролингов*. Новосибирск: Инфолио-пресс.
- Панеях В. М. 2000. *Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Родоман Б. Б. 2011. *Шеф и его подруга. Любовь на кафедре и в лаборатории (Сексуальное шёфство и карьера женщин в научных учреждениях). Психосоциологический трактат*. Смоленск: Ойкумена.
- Столяр А. Д. (отв. ред.). 2003. *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Тункина И. В., Щавелёв С. П. 2013. *Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии. Эпистемология & философия науки. Ежеквартальный научно-теоретический журнал XXXVIII*, 235—240.
- Формозов А. А. 1995. О книге Л. С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене. *РА* (3), 225—232.
- Формозов А. А. 1996. Русские археологи и политические репрессии 1920-х—1940-х гг. *РА* (3), 191—206.
- Формозов А. А. 2000. *Пушкин и древности. Наблюдения археолога*. Москва: Наука.
- Формозов А. А. 2004. *Вокруг пещеры Староселье*. В: Формозов А. А. *Рассказы об ученых*. Курск: КГМУ, 90—106.
- Формозов А. А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. Москва: Знак.
- Формозов А. А. 2006а. *Русские археологи в период тоталитаризма*. 2-е изд., доп. Москва: Знак.
- Формозов А. А., 2006б. *Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста*. 2-е изд., доп. Москва: Товарищество научных изданий КМК.
- Формозов А. А. 2007. *Исследователи древностей Москвы и Подмосковья*. Изд. 2-е, доп. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Формозов А. А. 2008. *Статьи разных лет*. Курск: КГМУ.
- Формозов А. А. 2011. *Записки русского археолога (1940—1970-е годы)*. Москва: Гриф и К.

№1. 2017

- Щавелёв С.П. 2006. *Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии* (2004—2005). Курск: КГМУ.
- Щавелёв С.П. 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930—1931 годов (Курский «филиал»). Курск: КГМУ.
- Щавелёв С.П. 2009. Интервью А.А. Формозова (данное С.П. Щавелёву 12 декабря 2008 г.). В: Щавелёв С.П. *Историки Курского края. Биографический словарь*. Курск: КГМУ, 434—443.
- Щавелёв С.П. 2012. Власть археологии и археология

власти (Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). Москва: ИА РАН. 2011. 592 с. *Российский археологический ежегодник* 2, 765—780.

- Щавелёв С.П. 2013. *Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990—2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии*. В 2 кн. Курск: КГМУ.

References

- Bryusov, A. Ya. 2012. *Na tropakh arkeologii. Vospominaniia* (On the Paths of Archaeology: Memories). Moscow; Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Gulyaev, V.I., Kuzminykh, S.V. (red.-sost.). 2004. *Problemy pervobytnoi arkeologii Evrazii (k 75-letiiu A.A. Formozova)* (Issues of Prehistoric Archeology in Eurasia (to the 75th Anniversary of A.A. Formozov). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Dobrolyubskii, A. O. 2009. *Odesseia odnogo arkeologa* (Odyssey of an Archaeologist). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Kamenetskii, I.S., Sorokin, A.N. (eds.). 2010. *Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928—2009)* (Man and Antiquities: to the Memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928—2009)). Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).
- Kiyashko, V. Ya. 2007. *Polveka arkeologii i koe-cto eshche* (Half a Century in Archaeology and Something More). Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).
- Klejn, L.S. 2010. *Trudno byt' Kleinom. Avtobiografiia v monologakh i dialogakh* (Hard to Be Klejn: Autobiography in Monologues and Dialogues). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkeologii: ucheniia, shkoly i lichnosti* (History of the Russian Archaeology: Doctrines, Schools, and Personalities) 2. *Arkeologi sovetskoi epokhi* (Archaeologists of the Soviet Epoch). Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S., Shchhavelev, S.P. 2011. *Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928—2009). Posleslovie* (Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928—2009): Afterword). Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 2008. *Zhizn', provedennaia v mogile. Isповед' arkeologa* (A Life Carried in Tomb: Confession of an Archaeologist). Dnepropetrovsk: "Art-Press" Publ. (in Russian).
- Komarov, K.I. 2014. *Zhiznia. Rasskazy o minuvshikh letakh* (A Life: Stories on the Years Gone By). Moscow: "Tsentr uchebnoi literatury" Publ. (in Russian).
- Makarov, N.A., Gaidukov, P.G. (eds.). 2009. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkeologii RAN. Otchet o polevykh issledovaniakh. Katalog 1945—1954 gg.* (Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Reports on Field Investigations: Catalogue for 1945—1954). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Makarov, N.A., Gaidukov, P.G. (eds.). 2010. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkeologii RAN. Otchet o polevykh issledovaniakh. Katalog 1955—1959 gg.* (Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Reports on Field Investigations: Catalogue for 1955—1959). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Makarov, N.A., Gaidukov, P.G. (eds.). 2011. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkeologii RAN. Otchet o polevykh issledovaniakh. Katalog: 1960—1964 gg.* (Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Reports on Field Investigations: Catalogue for 1960—1964). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Masson, M.E. 1974. *Iz vospominanii sredneaziatskogo arkeologa* (From the Memories of a Central Asia Archaeologist). Tashkent: Uzbekistan Branch, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Merpert, N. Ya. 2011. *Iz proshlogo: dalekogo i blizkogo. Memuary arkeologa* (From the Remote and Recent Past. Archaeologist's Memories). Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Molodin, V.I. 2006. *Mech Karolingov* (Carolingians' Sword). Novosibirsk: "Infolio-press" Publ. (in Russian).
- Paneiakh, V.M. 2000. *Tvorchestvo i sud'ba istorika. Boris Aleksandrovich Romanov* (Creativity and the Fate of the Historian: Boris Aleksandrovich Romanov). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Rodoman, B.B. 2011. *Shef i ego podругa. Liubov' na kafedre i v laboratorii* (Seksual'noe shefstvo i kar'era zhenshchin v nauchnykh uchrezhdeniakh). *Psikhosotsiologicheskii traktat* (Chief and His Girlfriend: Love in Department and in Laboratory (Sexual Patronage and Women's Carrier in Scientific Institutions)). Smolensk: "Oikumena" Publ. (in Russian).
- Stolyar, A.D. (ed.). 2003. *Nevskii arkeologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* (Neva Archaeological and Historiographical Bulletin: on 75th Anniversary of A.A. Formozov, Candidate of Historical Sciences). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Tunkina, I.V., Shchhavelev, S.P. 2013. In *Epistemologiya & filosofiya nauki. Ezhekvartal'nyi nauchno-teoreticheskii zhurnal* (Epistemology and Philosophy of Science: Quarterly Scientific and Theoretical Journal) XXXVIII, 235—240 (in Russian).
- Formozov, A.A. 1995. In *Rossiiskaia Arkeologiya* (Russian Archaeology) (3), 225—232 (in Russian).
- Formozov, A.A. 1996. In *Rossiiskaia Arkeologiya* (Russian Archaeology) (3), 191—206 (in Russian).
- Formozov, A.A. 2000. *Pushkin i drevnosti. Nabludeniia arkeologa* (Pushkin and Antiquities: Archaeologist's Notes). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Formozov, A.A. 2004. In *Formozov, A.A. Rasskazy ob uchennykh* (Stories on Scientists). Kursk: Kursk State Medical University, 90—106 (in Russian).
- Formozov, A.A. 2005. *Chelovek i nauka. Iz zapisei arkeologa* (Man and Science: from the Notes of an Archaeologist). Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).
- Formozov, A.A. 2006. *Russkie arkeologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki* (Russian Archaeologists in the Totalitarian Period: Historiographical Essays). Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).
- Formozov, A.A., 2006. *Aleksandr Nikolaevich Formozov. Zhizn' russkogo naturalista* (Aleksandr Nikolaevich Formozov: Life of the Russian Naturalist). Moscow: "Tovarishchestvo nauchnykh izdani KMK" Publ. (in Russian).
- Formozov, A.A. 2007. *Issledovateli drevnostei Moskvy i Podmoskov'ia* (Researchers of Moscow and Moscow Region Antiquities). Moscow: "Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi" Publ. (in Russian).
- Formozov, A.A. 2008. *Stat'i raznykh let* (Articles of Different Years). Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).

- Shchhavelev, S.P. 2006. *Novye knigi A.A. Formozova po istorii i teorii russkoi arkheologii (2004—2005) (New Books by A.A. Formozov on the History and Theory of Russian Archaeology: 2004—2005)*. Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Shchhavelev, S.P. 2007. «*Delo kraevedov TsChO*» 1930—1931 godov (Kurskii «filial») (“*Case of the Local Lore Students of Central Chernozem Oblast*” in 1930—1931: Kursk “Branch”). Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Shchhavelev, S.P. 2009. In Shchhavelev, S.P. *Istoriki Kurskogo kraia. Biograficheskii slovar’ (Kursk Land Historians: Biographic Dictionary)*. Kursk: Kursk State Medical University, 434—443 (in Russian).
- Shchhavelev, S.P. 2012. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook) 2*, 765—780 (in Russian).
- Shchhavelev, S.P. 2013. *Dan’ Mnemosyne. Retsenzii i otzyvy na izdaniia i rukopisi 1990—2000-kh godov po istoriografii otechestvennoi istorii i arkheologii (A Tribute to Mnemosyne: Reviews and Criticisms on Books and Manuscripts of 1990s—2000s on the Historiography of National History and Archaeology)*. In 2 books. Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).

Статья поступила в номер 12 января 2017 г.

Serghey Shchhavelev (Kursk, Russian Federation). Doctor of Philosophy, Doctor of Historical Sciences. Kursk State Medical University¹.

Serghey Shchhavelev (Kursk, Rusia). Doctor în filozofie, doctor în științe istorice. Universitatea de Stat de medicină din Kursk.

Щавелёв Сергей Павлович (Курск, Россия). Доктор философских наук, доктор исторических наук. Курский государственный медицинский университет.

E-mail: sergei-shchhavelev@yandex.ru

Address: ¹ Karl Marx St., 3, Kursk, 305001, Russian Federation